

надо создавать либретто из казачьей жизни. Хорошее либретто может найти своего режиссера.

Фильм должен быть красивый или захватывающий. Правда казачьей действительности может с успехом удовлетворить этим требованиям. В жизни и истории Казачества есть много моментов, которые могли бы послужить прекрасными темами для фильмовых либретто.

Пусть наши казачьи писатели и поэты подумают над этим.

Донскому Атаману.

Донской Атаман, генерал Богаевский, в Парижской газете „Возрождение“, № 1522, в статье „Казачество и самостоятельность“ высказал свою мысль о самостоятельном казачестве, конечно начиная с того, что будто бы казачьи генералы не поделили тех польских грошей, которые получали в виде подачки и упрекнул одного генерала, что он окончил академию генерального штаба, который в боях был ранен несколько раз и потерял глаз. Значит, те генералы с честью и достоинством защищали родину в общем, а что и какую награду получили? В конце концов против этих генералов мобилизовали два военных округа.

„Теперь неужели ради денег забыта честная служба, спрашивается, почему же тогда молчали, когда Россия была сильна“. А позвольте я вас, ваше превосходительство, спросить, почему же вы тогда молчали, когда нас избирали Донским Атаманом, что вы против того, что Донской Край — самостоятельный Край и управляется самостоятельно, имея свое правительство (председателем которого вы были), свое денежное обращение, свою армию и „своей простой, но стройной системой“ (это ваши слова) управляясь постановлениями своего, Донского Круга.

Дальше вы пишете, что имели беседу с казаками лично и в письмах. Вам, значит, лично казаки не возражали, а ответ давали в своем „журнальчике“ „В. К.“, да еще под псевдонимом. Значит вы сами сознаете, что вам казаки возражали и с вашими доводами не соглашались. Правда, писали под псевдонимом, это верно; „чем черт не шутит“, а вдруг, когда-нибудь „притянут к ответу“? Если притянули бы к ответу публично, к казачьему суду, то дело другое, а то мы знаем и при нашей памяти, кто и как судили Кулабухова в Екатеринодаре, еще лучше судили Рябовола в Ростове.

Да, много пролито казачьей крови на охрану и расширение границы России, но что за это получили казаки? Правда, присылали грамоты и подтверждение старых прав, что давно принадлежало казакам, и они только подтверждали то, что они нарушали, а теперь, значит, нужна казачья помощь и вот вам за это грамота.

Пишете: „попробуйте разобраться где границы казачьи, а где границы Астраханской и Ставропольской губерний“. И это очень хорошо казаки понимают, что все это строилось умышленно, разрезывали казачью землю, как теперь поступают и большевики; нагнали в казачьи станицы из центральной России неказачьего элемента и стараются расказачить станицы, точь в точь как и старое правительство.

Ваше превосходительство, да позвольте же у вас спросить, а сейчас во главе Советского правительства кто стоит? А сейчас же по свержении большевиков кто же опять думает стать у власти, не те ли старые министры и губернаторы? И что вы думаете, они, эта российская власть после большевиков, не будет угнетать казачество и не мешать его нормальному развитию (это ваши слова) и что „казачество нужно России“. Только последние слова верны, что казачество нужно России, а угнетать и преследовать будут с усиленной энергией.

И сейчас при разгоне казаки постоянно слышат от российских людей только угрозу по адресу казачества. Почему в 1918 и 1919 гг. не поднимался вопрос о горах золота в погребах казначейства, а денежный станок работал и Донской рубль охотней брался чем Добровольческий, не имевший никакого золота и даже территории.

Вы приводите ряд своих доказательства, что казаки не думали отделяться от России и даже свою армию

подчиняли г. Деникину, который и подвешивал казачьих депутатов, не спрашивая ни Рады, ни Круга. Но и это еще не показывает, что Войсковой Круг и Рада подчинились опять старым генералам и министрам со всем своим самостоятельным управлением. Ведь в критическую минуту мировой войны Англия и Италия подчинили свои армии французскому генералу Фошу, но этим они не подчинились Франции и не стали одним государством — Французским.

Казачьи правительства успешно справлялись с своей трудной задачей управлять самостоятельно Краем. А разве после свержения большевиков нельзя будет управлять Краем, когда все население поняло свою обязанность поддерживать свой Край самостоятельно, а не нуждаться в опеке.

Думаем мы, казаки, находящиеся в эмиграции, что там на Родине у нас осталось больше и те лучше нас поняли, какое добро для них казаков желают правители из Москвы. Атаман пишет в своей статье, что никакая Российская власть после большевиков не будет угнетать казачество и мешать его нормальному развитию. Нет, мы, казаки, не верили и не поверят и те, кто остался на Родине. Что так будет, мы знаем много примеров из истории казачества и за время противобольшевицкой войны.

Что мыслят старые губернаторы, которые опять хотят прийти к власти, нас не интересует.

Казаки хотят жить своей самостоятельной жизнью и программа лиц, наявших на себя трудную задачу — издавать мысли и чаяния всего казачества, есть наша программа, мы, казаки, „журнальчик“ „Вольное Казачество“ поддержим и никакие неприятности в семье казачества нас не свернут с той мысли, что казачество должно быть самостоятельно, ибо всякие недоразумения, вольные и невольные, всегда были и будут и не только в такой большой семье, как казачество, но даже и родной, своей семье бывает все.

А потому привет от казаков издательству „Вольное Казачество“.

Старый донской казак, А. Шапков (член Д. В. К.).

Перуанский вопрос для калмыцкой эмиграции.

На наших глазах в жизни казачьей эмиграции происходит важное событие: вслед за группой казаков, которые, под командой генерала Павличенко, выехали в Перу и нашли там хорошее устройство, зашевелилось и заворошилось все эмигрантское казачество и в ближайшем будущем возможно переселение туда же более значительной его массы.

Казачьи общественные деятели и общественные организации, впервые „бросив политику“, всерьез занялись вопросом: как казачьей массе прочно сесть на землю.

Кроме того, мы имеем точную информацию от своих переселившихся казаков, которая помещена почти во всех казачьих журналах, а также в Сербии частные лица получили письма от своих уехавших друзей, содержание которых быстро распространяется среди казаков, волнуя и будируя их мысль.

Рядовая казачья масса, после девятилетней, беспросветной, малорезультативной, фабрично-заводской работы, работы на шахтах, шоссейных и железных дорогах и на постройках по городам Европы, увидев в устройстве в Перу возможность найти полезный и приятный вид труда, который в результате может дать обнищавшим казакам возможность вернуться домой, на родину, не с пустыми руками.

Правда, родина нам всем мила, но голым и тем плохо, одно наше возвращение еще мало что даст. Поэтому, само собой разумеется, что такое крупное событие среди казачьей эмиграции не может не обратиться на себя и наше, калмыков, внимание.

Мы, калмыки, тоже, несмотря на девятилетнее пребывание в Европе, в условиях непрерывного труда, все еще являемся в материальном отношении такими же ничего немущими беженцами, какими были и в первые годы.

Отсюда ясно что сколько бы мы ни находились в этих условиях в Европе, ничего в хозяйственном смысле не добьемся. Слишком здесь тесно. Слишком перенасыщен здесь рынок человеческого труда, а частые безработицы, в первую очередь ударяя по нашему брату, уничтожают и те небольшие сбережения на „черный день“, которые кое-кому удается сделать.

Кроме этого, виды здешнего труда, губельно отражаясь на нашем физическом здоровье, не оставляют без известного влияния и наше массовое моральное здоровье, нашу душу.

Поэтому и мы, калмыки и эмигранты, должны искать здоровый, нормальный для нас труд, который, будучи привычным, дал бы в результате кое-что на случай возвращения на родину, чтобы было с чего начать там хозяйство, не разбредаться по возвращении по мужичьим селам в поисках пастушеских мест. Пора нам перестать жить иллюзиями, что вернемся домой и что тогда все само собой устроится и вернется прежнее благополучие. Во первых, возвращение теперь зависит не только от нашего желания, но и от разрешения наших победителей-большевиков, которые очень неохотно нас принимают; во вторых, самый факт возвращения не может никоим образом вывести нас из бедственного положения. Ибо, у многих из нас ничего кроме приятных воспоминаний, там уже нет. Единственный и неперемный результат возвращения при большевиках (что так усердно проповедует Кушлынов) то, что возвращенцы оказываются в условиях безработной страны на положении гонимых, третьесортных граждан, на которых в первую голову сыпятся все дикости нынешней, нечеловеческой власти политических фанатиков. Поэтому нам необходимо теперь же, здесь же, в эмиграции, поискать путей и способов выбраться из настоящего печального и губельного положения.

В этом смысле Перуанский вопрос является для нас неожиданным, благоприятным случаем, который и может вывести нас на хороший хозяйственный путь. Если мы без внимания пропустили бы этот случай, то другого такого случая может больше и не представиться. Случай этот представляется только казакам, благодаря хорошему впечатлению, которое произвели казаки первой группой на Перуанское правительство. А мы, калмыки-казаки, всегда с честью носившие это имя, всегда безропотно разделяли с казаками нашу общую долю, какова бы она ни была. Конечно, и теперь мы можем своим правом воспользоваться.

Мы не говорим, что нужно „с бухты в барахту“ записываться и, сломя голову, ехать. Мы только обращаем внимание калмыков на этот вопрос, предлагаем заинтересоваться этим делом, тщательно обследовать и, может быть, в большем или меньшем числе придем к решению последовать примеру казаков. Само собой разумеется, что в этом деле, как и во всяком другом, найдутся лица, которые имея ту или иную прочную связь в Европе, будут говорить против использования нами Перуанского случая, разрешая этот вопрос применительно к своему положению. Поэтому нужно трезво и осторожно относиться как к предложениям за, так и против.

Думается, что один из аргументов противников этого переселения будет ссылка на дальность расстояния и неизвестность страны. По нашему мнению, в наше время, при теперешних средствах передвижения, никого не должна пугать дальность расстояния. Если будут деньги, то из Перу мы доедем домой скорее, чем из Франции или Сербии без денег.

Страна же эта не неизвестная, перед нами есть хороший опыт наших казаков, так что открывать Америку нам не придется, а только нужно найти в себе смелость последовать за хорошим примером смелых людей и достигнутыми результатами.

Ведь было время, когда путь от Платонской до Грабневской казался очень далеким; однако, когда настал момент, мы с успехом проделали путь от берегов Майнча до центра западной Европы, тоже нам в то время неизвестной. Да еще в каких условиях его проделали! Так что и в этом смысле нет оснований иметь какой-либо страх.

Девять лет большой срок; однако мы уже прожили здесь этот срок и еще неизвестно сколько проживем. Коммунистическая власть все еще сидит, а при ней, во всяком случае половина нашей эмиграции не может вернуться на родину, да и на родине, повторяем теперь далеко не то, что было раньше.

Доктор Эренджен Хара-Даван, Александр Абушинов, Санжа Цуцукон, Петр Михайлов и Санжа Балыков.

Дорогие Станичники!

Разрешите и мне, Уральской казачке, сказать несколько слов о значении нашего казачества, в полном смысле слова единого и неделимого, славного казачества. Наше историческое прошлое дает нам, казакам, право гордиться собой. Мы, казаки, — лучшие сыны своей отчизны. Как дети одной великой казачьей семьи, мы должны все считать себя равными, независимо от того, кто образован и кто нет, беден и богат. Мы не должны брать пример с тех, которые хотя и кричат всюду, что должно быть единение, а сами не соблюдают этих простых правил, являющихся цементом для соединения отдельных частей массы в одно целое и могучее тело.

Антонина Козлова.

Не один раз мне в прошлом году пришлось видеть в русской колонии, как грубо и с презрением члены колонии относились к приходящим по делам казакам.

Но это понятное явление, они и раньше так обращались с русским мужиком, но до чего это донело, вы станичники видите сами.

Но и это им не послужило наукой. Не имея здесь и изгнания мужиков, на которых можно кричать, и которые терпеливо могли ждать у порога, они хотели это проделать с нами казаками. Но они ошиблись.

„Казак не раб, он горд, самолюбив, и гордость его вполне здоровая, нормальная гордость свободного человека, хотя бы был он беден“...

Не „интеллигентен“ может быть и да, но зато от природы одарен умом, который, как природный нормальный дар, стоит выше иной искусственной выучки. Все напускное — поверхностное, это ведь только лак и позолота.

Они нас ненавидят, зная нашу силу единения, и их цель разбить нас своими интригами, на которые они большие специалисты.